

УДК 930(437+438) «XVI–XIX»Бибо

ПРОБЛЕМЫ ЧЕШСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В РАБОТЕ И. БИБО "О БЕДСТВИЯХ И УБОЖЕСТВЕ МАЛЫХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ"

Стыкалин А.С. (Москва)

Відомий угорський політичний мислитель Іштван Бібо (1911 – 1979) у своїх роботах другої половини 1940-х років намагався осмислити історичні витоки найгостріших національно-територіальних суперечок, що проявилися в роки другої світової війни на територіях, успадкованих від монархії Габсбургів. Одночасно він міркував і над конкретними способами їхнього вирішення. Бібо прийшов до висновку про закономірності ліквідації історичних кордонів у регіоні, успадкованих від середньовіччя (включаючи межі Королівства Угорщини). Віддаючи перевагу етнічному принципу перед історичним при визначенні післявоєнних кордонів, він у той же час, узяв під сумнів доцільність здійснення штучних проєктів по створенню етнічно чистих держав у регіоні, що припускало масове переселення народів.

Ключові слова: Іштван Бібо, Угорщина, Чехословаччина, Польща, Середня Європа, кордони, друга світова війна, національно-територіальні суперечки.

Среди оригинальных центральноевропейских мыслителей XX века, чье творчество становится известным заинтересованному российскому и украинскому читателю только в последнее десятилетие, одно из важных мест занимает венгерский политолог Иштван Бибо (1911–1979)¹. Юрист по образованию, он в течение ряда лет был стипендиатом в Вене и Женеве. Вернувшись в Венгрию, занимался при хортизме адвокатской практикой, работал в суде, с 1940 г. состоял приват-доцентом политических наук и права в университетах городов Сегеда и Коложвара (ныне Клуж-Напока, Румыния). Свои первые серьезные работы по теории права он написал в середине 1930-х годов, однако либеральная направленность этих исследований затрудняла их публика-

цию в условиях хортистского режима. Осенью 1944 г., после захвата власти нилашистами, арестовывался за содействие спасению преследуемых евреев. В 1945 г., когда в Венгрии на короткий срок установилось коалиционное демократическое правление, Бибо, более года возглавлявший разные отделы в министерстве внутренних дел, выступил с инициативой реорганизации системы административного (в частности, муниципального) управления Венгрии. Его рациональные, по достоинству оцененные только в посткоммунистическое время проекты, не могли быть воплощены в условиях обострившейся межпартийной борьбы, в которой все более задавала тон опиравшаяся на разностороннюю поддержку СССР компартия, к середине 1948 г. вытеснившая своих конкурентов и фактически монопольно утвердившаяся у власти. Наряду с административной и научной деятельностью во второй половине 1940-х годов Бибо (в 1946-1950 гг. профессор Сегедского университета и один из руководителей Института Пала Телеки в Будапеште, важного центра политической и исторической науки в Венгрии тех лет) активно занимался публицистикой. Его статья "Кризис венгерской демократии" (1945) положила начало

¹ Первая большая подборка работ И. Бибо на русском языке была опубликована в Будапеште в 1991 г. в специальном выпуске издававшегося в то время в Венгрии русскоязычного общественно-научного журнала "Венгерский меридиан" [2, 1991, № 2]. Отдельные статьи и прочие тексты Бибо публиковались в других изданиях. В 2004-2005 гг. московское издательство «Три квадрата» выпустило в серии «Bibliotheca Hungarica» две книги И. Бибо: [6; 7].

большой дискуссии о политической ситуации в Венгрии и перспективах дальнейшего развития страны. Позиция Бибо, на основе четкого анализа расстановки сил в обществе и доминирующих в нем настроений, указавшего на опасность, исходившую для антифашистской демократической коалиции слева, была подвергнута критике коммунистами и их сторонниками. В числе тех, кто спорил тогда с Бибо, был и всемирно известный философ-марксист Дьердь Лукач. Действительность, однако, в скором времени подтвердила правоту Бибо, не связавшего себя в данном случае с официальной точкой зрения какой-либо определенной партии, но выступившего в качестве независимого политолога.

В 1948 г. выходит основательное политико-социологическое исследование "Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года". В этой, как и некоторых других работах Бибо проявился его особый интерес к социально-психологическим феноменам как факторам политического развития (страхам, предубеждениям, массовым психозам и истериям, бытующим в обществе и влияющим на принятие политических решений силами той или иной ориентации, зачастую склонными использовать социально-психологические явления в своих узкогрупповых интересах). Другое достоинство политологических исследований Бибо – внимание к историческим корням современных политических явлений, опирающееся на глубокое знание венгерской, средневропейской и – шире – всеобщей истории. В этой связи особенно следовало бы отметить книгу 1946 года "О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств", о которой речь пойдет в дальнейшем [Главы из этой книги см.: 9, с.224-259. См. также: 6].

После установления в Венгрии коммунистической диктатуры Бибо был лишен университетской кафедры. Избранный еще в 1947 г. членом-корреспондентом Венгерской Академии наук, через два года, в процессе реорганизации Академии он был выведен из нее. С января 1951 г. работал библиотекарем в будапештской университетской библиотеке. Кратковременное возвращение Бибо в общественно-политическую жизнь произошло в дни революции осени 1956 г. 3 ноября в качестве кандидата от партии Петефи (бывшей Национальной крестьянской) он стал министром в коалиционном правительстве Имре Надя. К своим обязанностям он должен был приступить на следующий день, однако утром 4 ноября советские войска вступили в Будапешт в целях свержения действовавшего правительства. Бибо, прибывший рано утром в здание венгерского парламента, оказался единственным членом кабинета, оставшимся на своем посту в момент прихода советских солдат. Воззвание, подготовленное им от имени правительства Имре Надя и своевременно переданное западным ди-

пломатам, получило отклик в мире как важный программный документ венгерской революции². В последующие недели и месяцы, вплоть до своего ареста в мае 1957 г., Бибо составил еще ряд документов, в которых предлагались планы урегулирования венгерского вопроса³, а позже, в условиях укрепления кадаровского режима, им предпринимались попытки осмыслить уроки "будапештской осени" в широком международном контексте⁴.

Приговоренный в августе 1958 г. к пожизненному заключению, Бибо был амнистирован в 1963 г., но до конца жизни продолжал находиться под подозрением властей. Вплоть до выхода на пенсию он состоял научным сотрудником в библиотеке Центрального статистического управления ВНР. Его основные работы 1960-1970-х годов писались в стол и были опубликованы только после смерти автора, в 1980-е годы. Таковы, в частности, большая статья "Смысл европейского общественного развития" (1971-1972), работа "Недееспособность международного сообщества государств и ее преодоление" (1972), в которой давался глубокий анализ проблем, связанных с арабо-израильским конфликтом [см.: 2, 1991, № 2, с. 11-38, 83-107].

Публикация трехтомника работ И. Бибо в 1986 г., на исходе коммунистического правления [16], стала важным событием в духовной жизни Венгрии в преддверии смены систем, в условиях, когда венгерская интеллигенция приступила к усиленным поискам альтернативных марксистской традиций в национальной общественной мысли. С начала 1990-х годов в определенных кругах предпринимаются попытки сделать Бибо своего рода знаменем либеральной идейной традиции в Венгрии. "Несомненно крупнейшим венгерским мыслителем своего времени" назвал Иштвана Бибо его соотечественник Имре Кертес, ставший в 2002 г. лауреатом Нобелевской премии по литературе [9, с.487]. Попытка, о которой идет речь, оказалась, впрочем, не совсем удачной. Судя по количеству работ о Бибо, изданных за пределами Венгрии, интерес к его фигуре за рубежом до сих пор несоизмерим с интересом к

² Текст воззвания см.: [2. 1991. № 2. С. 108-109]. См. в том же издании заметки Бибо от 27-29 октября, в которых он попытался теоретически осмыслить общеполитические задачи, актуальные для венгерской революции [2. 1991. № 2. С. 112-122].

³ См. его доклад о компромиссном урегулировании венгерского вопроса от 6-9 ноября 1956 г.: [3. С. 613-618]. См. также подготовленную им в декабре 1956 г. совместно с другими политиками партии Петефи и партии мелких хозяев Декларацию об основных принципах государственного, общественного и экономического устройства Венгрии и путях преодоления политического кризиса [3. С. 725-729].

⁴ См. его работу, писавшуюся в январе-апреле 1957 г.: [8. С. 30-37].

фигуре философа-марксиста Дьєрдя Лукача. Сам этот факт, однако, не перечеркивает значения творчества Иштвана Бибо как действительно крупного венгерского ученого-политолога.

В работе "О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств" (1946) И. Бибо пытался осмыслить опыт исторического развития трех средневропейских наций (польской, чешской, венгерской) в течение, по меньшей мере, двух столетий и на основе этого осмысления не столько спрогнозировать их дальнейшую политическую эволюцию с учетом расстановки сил на международной арене по окончании второй мировой войны, сколько выявить те объективные (не в последнюю очередь социально-психологические) проблемы, с которыми в этих странах неизбежно столкнутся демократические силы в своем стремлении сформировать в новых, послевоенных условиях политическую культуру, отвечающую критериям современной западной демократии.

Принципиально интересен в его работе экскурс в польскую историю. Истоки многих трудностей, пережитых Польшей с конца XVIII века, особенно при ее взаимоотношениях с восточным соседом – Россией, Бибо выводил из польско-литовской унии, вследствие которой в составе единого государства наряду с территорией, заселенной польским этносом, оказалась литовская часть с преобладающей долей православного населения, в определенной мере ориентированного на Россию. По признанию Бибо, притязания России на земли польско-литовского государства, поначалу в основном ограничивавшиеся ее восточной половиной, изначально были более обоснованными как в этническом, так и в историческом плане, нежели претензии Пруссии и особенно Австрии. К тому же, по мере своего усиления в XVIII веке, превращения в великую европейскую державу, Россия становилась все притягательнее для православных Речи Посполитой. Оценивая в данном случае позицию Бибо, следует помнить, что его работа 1946 года была плодом той конкретно-исторической ситуации, когда в результате второй мировой войны по всей Европе резко усилились антинемецкие настроения, проецировавшиеся и на прошлое взаимоотношений тех или иных этносов с Германией [См.: 15, с.241-255]. При всей сдержанности своего подхода, заметно контрастирующей с полемическим запалом в работах многих других авторов, в том числе и венгерских⁵, Бибо также не

избегает в отдельных случаях некоторой тенденциозности там, где дело касается признания роли германского фактора и прогерманских ориентаций в развитии отдельных европейских стран и народов. Это сказывалось и в расстановке им акцентов, в частности, в треугольнике российско-польско-германских отношений. При этом важно заметить, что "односторонность", о которой идет речь, не только расходилась с глубоко укорененной в венгерской внешнеполитической мысли (достаточно вспомнить графа Д. Андраши) традицией отношения к России как главной угрозе европейской цивилизации, но и преодолевала ограниченность подобного подхода.

Обращаясь к анализу предпосылок трех разделов Речи Посполитой, Бибо отмечал, что мощное демократическое, реформаторское движение, возникшее в стране после первого раздела (1772) и достигшее своей кульминации в Конституции 1791 года, не имело перспектив, поскольку Великая Французская революция сместила акценты в европейской политике, усилив повсеместно контрреформаторские тенденции. По мнению Бибо, после третьего раздела Польши (1795) создалась объективная ситуация, которая диктовала национальной политической элите насущную историческую задачу – привлечь на свою сторону Россию, чтобы, "имея за спиной такого союзника, попытаться возродить свою национальную жизнь в противостоянии двум немецким государствам" [9, с.226]. Однако польское общественное сознание, однозначно восприняв раздел страны как вопиющую несправедливость, оказалось неспособно осознать различие между исторически закономерным разделением восточных земель и тем, что было в разделе Польши результатом голого насилия. Национальная элита продолжала верить в возможность существования Польши как великой державы, что и предопределило ее политический выбор в пользу Наполеона, готовившего свой антироссийский поход. Между тем, вопреки ожиданиям польской аристократии вступление наполеоновских войск в пределы земель, отошедших от Речи Посполитой к России, не привело к антироссийскому восстанию. Опыт, извлеченный Россией из наполеоновских войн, продиктовал ее позицию на Венском конгрессе. К Российской империи, как известно, отошла значительная часть исконно польских земель. С одной стороны, им были дарованы конституция и достаточно широкая автономия, отобранные после восстания 1830-1831 г. С другой стороны, все три великие державы, участвовавшие в разделе Польши, утвердились в своем стремлении не допустить возрождения самостоятельного польского государства.

⁵ В 1947 г. в венгерской газетно-журнальной периодике состоялась целая дискуссия по проблеме немецкого культурного влияния в Венгрии на протяжении веков. Господствовавшие в венгерском обществе умонастроения лучше всего характеризует следующий факт. Согласно независимым социологическим опросам, проведенным в декабре 1945 г., 78% опрошенных вы-

сказались за выселение с территории страны этнических немцев [1, ф. 17, оп.128, д.913, л.155].

Хотя польский вопрос продолжал на протяжении всего XIX в. сохранять международное значение, задача восстановления национального государства могла быть поставлена в актуальную плоскость только вследствие итогов первой мировой войны. Присущее Бибо мастерство в проведении исторических параллелей проявилось в сравнении ситуаций, сложившихся в результате третьего раздела (1795) и первой мировой войны. Урок истории, полученный в эпоху наполеоновских войн, не был усвоен польской политической элитой. В 1918–1920 годах, пишет Бибо, "история вновь подсказала Польше возможное решение: постараться развивать свою национальную жизнь, опираясь на исконно польские территории, и отказаться от тех обширных восточных районов, где, хотя и оставались крупные владения польских помещиков, но не было значительных масс польского населения" [9, с.227]. Такая позиция, способная снять напряженность в отношениях с Москвой, не отвечала, однако, великодержавным устремлениям Варшавы. Воспользовавшись тяжелым положением Советской России, польская армия в 1920 году не удержалась от искушения перейти установленную Антантой линию Керзона. Этот акт, по мнению Бибо, имел не только внешнеполитические, но и серьезные внутривнутриполитические последствия. В частности, именно желание любой ценой удержать свои восточные земли предопределило отход властей от демократических методов, "ибо Польша не была уверена в лояльности населения этих территорий, а пережитые польской нацией в прошлом исторические катастрофы не позволяли рассчитывать на то, что с помощью великодушных демократических уступок ей удастся удержать эти территории" [9, с.227-228].

Рижский мирный договор 1921 года зафиксировал границы нового польского государства, далеко продвинутые к восточным границам Речи Посполитой в канун ее первого раздела, что никак не могло принять советское правительство, выступавшее за воссоединение всех украинских и белорусских земель в составе СССР. Не углубляясь в проблематику польско-советских отношений в межвоенный период (а надо заметить, что, проводя антисоветскую политику, Польша вместе с тем старалась не провоцировать крайнего обострения отношений с СССР⁶), Бибо, однако, попытался обосновать свою принципиальную позицию: независимое польское государство опять "не выдержало тот же исторический экзамен, суть которого – установление отноше-

ний доверия с Россией" [9, с.228]. По мнению венгерского политолога, значение войны 1920 г. заключалось, помимо всего прочего, в формировании негативного образа Польши в советском политическом сознании: это государство и особенно его восточные территории, незаконно присвоенные с точки зрения СССР, расценивались в качестве "символического плацдарма для враждебных акций, угрожавших новой социалистической империи со стороны капиталистического мира" [9, с.228].

Известно, что в сентябре 1939 года существование независимого польского государства было принесено в жертву советско-германскому сближению. Итоги второй мировой войны заставили советское правительство пересмотреть свою позицию в отношении Польши. Сталин в апреле 1944 года, встречаясь с польским эмигрантским политиком С. Орлеманским, говорил о своем стремлении возродить политику Грюнвальда [10, с.30]. Несколько более развернуто он изложил суть поворота в политике СССР в беседе с польской делегацией в августе того же года⁷. Установки СССР в отношении места и роли Польши в послевоенной Европе были наиболее откровенно сформулированы в январе 1944 г. в записке, подготовленной комиссией Наркоминдела под руководством И.М. Майского: "Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания. Ввиду вышеизложенного осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ" [5, с.222]. Новая восточная граница польского государства в основном совпадала с линией Керзона, пересмотренной в пользу Польши, в частности, в районе Белостока. Области Западной Украины и Западной Белоруссии, Виленский край были включены в состав СССР, произошел обмен населением по этниче-

⁶ Так, например, в январе 1939 г. ее министр иностранных дел Ю. Бек в беседе с германским коллегой И. Риббентропом мотивировал отказ присоединиться к Антикоминтерновскому пакту тем, что, подписав такое соглашение, Польша не смогла бы сохранить то "мирное соседство с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия" [11, с.119].

⁷ "Тов. Сталин заявляет, что первый раз поляки и русские шли вместе при Грюнвальде, когда они разбили немцев. Потом у поляков с русскими были ссоры. В XVII веке, при царе Алексее Михайловиче, был министр иностранных дел Ордин-Нащокин, который предлагал заключить с поляками союз. За это его прогнали. Теперь нужен поворот. Война многому научила наши народы" (Запись беседы Сталина с делегацией правительства Польши в эмиграции во главе с премьер-министром С.Миколайчиком 3 августа 1944 г. См.: [4, с.74]).

скому принципу. В вопросе об отношении к западным границам польского государства в позиции СССР произошли, однако, подвижки, причину которых невозможно понять в отрыве от внутривнутриполитической ситуации в Польше, где с первых месяцев после освобождения от Германии доминировали левые силы, в той или иной мере готовые к проведению просоветской политики. В качестве компенсации за утраченные восточные земли новая Польша при содействии СССР получила Силезию, часть Померании и Восточной Пруссии. При этом великими державами-победительницами ей была предоставлена возможность полного выселения с этих территорий немецкого населения. Став основным гарантом новых западных границ Польши, Советский Союз теснее привязал ее к себе. Необходимость союза с СССР в противодействии возможным в будущем реваншистским устремлениям Германии трудно было отрицать даже самым последовательным оппонентам коммунистов. Известно, в частности, с какой настороженностью был воспринят польской политической элитой (отнюдь не только на ее левом фланге) ряд выступлений У. Черчилля 1946 года, давших основания увидеть в позиции лидера британских консерваторов некоторые сомнения в целесообразности столь радикального пересмотра польско-германских границ. Вопрос об оценке европейским общественным мнением в 1940-е годы новых границ Польши с точки зрения их оптимальности для национального развития заслуживает самостоятельного изучения. Обращает на себя внимание, что либеральный политолог в стране с глубокими полонофильскими традициями (речь идет о венгре И. Бибо) в 1946 году воспринял компенсацию, полученную Польшей от СССР и его союзниками как чрезмерную (!), чреватую новыми осложнениями в центре Европы.

Главные проблемы чешской истории, по мнению Бибо, также были порождены несовпадением национально-языковых и государственно-исторических границ. В чешских землях не только чехи, но и немцы со времен средневековья обладали развитым богемским (можно добавить, также и моравским) самосознанием. Этому способствовало сохранение исторических рамок чешской государственности в структуре монархии Габсбургов – при том, что вследствие Тридцатилетней войны (первая половина XVII в.) эта государственность была чисто фиктивной. Между тем, с начала XIX в. в условиях подъема чешского и немецкого самосознания национальные движения, принимавшие все более массовый характер, уже не могли удовлетвориться идеей исторической Чехии; чехи все чаще находили себе опору в солидарности славянских народов, а немцы – в пангерманизме. Возникновение чехословацкой идеи Бибо рассматривал как производную от идеи славянской. Проживавшие на

севере исторической Венгрии словаки, испытывая все большее отчуждение от венгерской государственности, ориентировались на чехов, которые в свою очередь в духе славянской взаимности совершали встречное движение.

Утвердившееся при поддержке Антанты в центре Европы молодое чехословацкое государство было пестрым по национальному составу. При этом из населявших его народов одни лишь чехи могли считать его воплощением собственной государственно-исторической традиции. Судетских немцев, составлявших 3 млн., связывала с новым государством лишь историческая, но не этническая близость. Словаков (а также русин), проживавших на землях венгерской короны – этническая, но не историческая. Венгерские по национальному составу земли не были связаны с чехословацким государством ни этническими, ни историческими узами. В Чехословакии они оказались в результате своего рода "случайности", а именно так, считает Бибо, можно квалифицировать достаточно произвольное проведение границы между Чехословакией и Венгрией в условиях формирования Версальской системы.

Все вышесказанное предопределяло сложность национального вопроса в межвоенной Чехословакии. Национальные противоречия власти пытались разрешить путем последовательной демократизации. Как небезосновательно заметил Бибо, "ориентация нового чехословацкого государства на демократическое развитие была более интенсивной по сравнению с его восточноевропейскими соседями не только потому, что чешское общество достигло гораздо более высокого уровня буржуазного развития, индустриализации страны, чем поляки и венгры, но и потому, что оно было более оптимистичным" [9, с.233]. Чешский исторический опыт нового времени в самом деле не знал таких сокрушительных поражений, какими были 1795 год для поляков и 1849 год для венгров. Именно политический оптимизм чешского и словацкого общества, считает Бибо, помог межвоенной Чехословакии стать настоящим оазисом демократии в регионе. "Чехи имеют все основания утверждать, что судьбу немцев или венгров в чехословацком государстве никак нельзя назвать невыносимой" [9, с.234].

Вместе с тем, поскольку при образовании чехословацкого государства акцентировался этнический принцип, немецкое, а тем более венгерское население ощущало себя отчужденным от новой государственности. "Положение их было вполне сносным, однако нелепым был сам факт их пребывания в составе страны чехов и словаков, обретших друг друга на основе славянского братства" [9, с.234]. Чехословацкая политическая элита, однако, и слышать не хотела о какой-либо корректировке границ в соответствии с этническим принципом. Все более осознавая,

что демократия не оградит их государство от влияния центробежных сил, окружение Масарика и Бенеша со все большим упорством отстаивало на международной арене принцип неизменности территориальных границ, установленных в рамках Версальской системы. Жесткость этой позиции не способствовала разрешению спорных проблем, а напротив, считает Бибо, вела к их усугублению. Среди множества факторов, направивших европейское развитие по пути к катастрофе, по мнению Бибо, сыграло свою роль и отсутствие должной гибкости в чехословацкой внешней политике. Небеспристрастная позиция Бибо вне всякого сомнения отразила неприятие венгерским политическим сознанием (не только консервативным, но и либеральным) Версальской системы, не просто узаконившей расчленение исторической Венгрии, но – что важнее было для либерала Бибо – оставившей за пределами нового венгерского государства около 3 млн. соотечественников, в том числе полмиллиона в Чехословакии вдоль венгерской границы.

Ужесточение требований гитлеровской Германии в отношении заселенных немцами областей Чехии привело к кризису чехословацкой государственности. В 1938 году окончательно выяснилось, что не только немцы и венгры, но и значительная часть словаков хочет добиться национального самоопределения вне рамок государства, основанного в 1918 году Т.Г. Масариком. По мнению Бибо, это обстоятельство заметно повлияло на позицию западных держав, в конце концов согласившихся на раздел исторической Чехии (и шире – Чехословакии) на основе этнического принципа. Мюнхенский договор означал, однако, не просто раздел страны, а полное ее подчинение фашистской Германии. Как и в случае с Польшей 1930-х годов, длительный исторический процесс нарастания центробежных тенденций в многонациональном государстве нашел развязку вследствие грубого внешнего вмешательства. Причем факт грубого насилия, считает Бибо, помешал чехам (как и полякам на рубеже XVIII – XIX веков, а также в 1939 году, в условиях нового раздела) увидеть за произошедшим проявление логики истории, определенную закономерность распада достаточно искусственной полиэтничной конструкции, ставшей продуктом конкретной исторической ситуации.

Чешские политологи неоднократно отмечали социально-психологические последствия мюнхенского соглашения, его влияние на общественные настроения в Чехии. Речь идет, в частности, о разочаровании в западной демократии, усилении левых, социалистических тенденций в массовом политическом сознании, обращении интеллигенции к славянской идее, в конкретных условиях второй половины 1940-х годов, предполагавшей просоветскую политическую ангажированность. Один из видных идеологов

"пражской весны" 1968 года З. Млынарж следующим образом объяснил уже в начале 1990-х годов мотивы приверженности многих интеллигентов своего поколения идее "социализма с человеческим лицом": "У поколений, которые были причастны к событиям 1968 г., имелся и опыт до 1948 г., и довоенный опыт. Мы хорошо представляли себе, что означают парламентаризм, многопартийная система. Не надо нас считать наивными. Мы прекрасно понимали, что в 1938 г. и парламентаризм, и многопартийная система оказались слишком слабыми, чтобы защитить существование национального демократического государства от гитлеризма. Наши западные союзники – Англия и Франция – пошли на мюнхенский договор, продав тем самым Чехословакию Гитлеру. Все это имело значение. Ведь люди принимают решения, исходя не только из своих идеологических убеждений, но и учитывая исторический опыт. А он тогда был именно таким" [12, с.77].

На социально-психологических последствиях мюнхенского соглашения концентрирует свое внимание и Бибо: чехи с горечью ощущали, и с полным на то основанием, что "Европа бросила их на произвол судьбы, а национальные меньшинства нанесли им удар в спину". В результате "политический облик чехословацкого государства, возрожденного после постигшей его катастрофы, теперь уже омрачала та же неизгладимая память о катастрофах, которая была свойственна польской и венгерской нациям" [9, с.235]. Чешская элита, подобно польской в 1920-1930-е годы, теперь уже не питает надежд на то, что демократия поможет ей сплотить многоязычное общество в политически единое целое. В 1946 году Бибо мог наблюдать, что не только и не столько левые, сколько окружение Бенеша, продолжавшее ориентироваться на западные модели демократии, демонстрировало вместе с тем непримиримость в решении национального вопроса. Причем если, к примеру, в Польше и Румынии 1920-1930-х годов, в Венгрии после Венских арбитражей в начале 1940-х годов разочарование в демократических методах разрешения национальной проблемы проявлялось в политике мелочного притеснения меньшинств в использовании родного языка и в их деэтнификации, то власти Чехословакии пошли гораздо дальше, выдвинув программу выселения неславянских национальных меньшинств, поддержанную великими державами-победительницами там, где дело касалось немцев, и лишь отчасти поддержанную применительно к венграм [См.: 13; 14]. Венгерский политолог, писавший свою работу в момент обострения отношений Чехословакии и Венгрии вследствие требований Праги об осуществлении неравного обмена населением между двумя странами [См.: 13; 14], прокомментировал чехословацкую позицию следующим образом:

"Если это и безумие, то в своем роде последовательное: чехи желают демократии для себя, желают обеспечить своей стране покой от национальных меньшинств, но при этом не хотят поступиться ни пядью своей территории, то есть желают иметь все сразу. Однако за этими притязаниями на все сразу стоит не сознание собственной силы, а страх, порожденный памятью о пережитой катастрофе" [9, с.236].

Резюмируя проделанный в работе анализ этнополитических процессов в Средней Европе в новое и новейшее время, Бибо приходил к выводу, что как поляки, так и чехи, и венгры⁸ в разное время и в разных условиях "питали надежду, что демократия и свобода станут той силой, которая будет способствовать сплочению в единое целое ориентирующегося в разных направлениях разноразличного населения" [9, с.236]. Эти надежды, однако, оказывались тщетными, внедрить единое национальное сознание на унаследованных исторических территориях не удавалось. Более того, в противостоянии силам европейской реакции не удавалось заручиться поддержкой собственных национальных меньшинств (под проводимые здесь параллели Бибо подверстывал и новый раздел Польши в 1939 года, что было достаточно смелым жестом в условиях Венгрии 1946 года). Европа бросала на произвол судьбы поляков в 1795, 1815 и 1939 годах, венгров в 1849 и 1920 годах, чехов в 1938-1939 годах, хотя в целом ряде случаев (1795, 1849, 1938-1939) речь шла о национальных движениях, шедших в авангарде европейского прогресса. Несправедливость, констатирует Бибо, "казалась столь явной, что возникла иллюзия, будто и сам распад исторических рамок в целом произошел лишь в силу случайного стечения обстоятельств, воздействия факторов власти и принуждения" [9, с.237]. Казалось, что с устранением источников насилия не останется серьезных препятствий для восстановления государств в их исторических рамках, более широких, нежели границы титульных национальных сообществ. С точки зрения Бибо, губительные иллюзии следовало бы развеять в интересах самих наций; подлинное благодеяние полякам, венграм и чехам оказал бы "тот, кто ликвидировал бы рамки исторических государств, строго сообразуясь с этническим принципом и принципом самоопределения" [9, с.238]. Конечно, распад исторических государств не может не вызвать длительной болезненной реакции, но, по мнению венгерского политолога, она не усугублялась бы страданиями притесняемых за границей соотечественников, отрезвляюще действовало бы и отсутствие жалоб на свою судьбу со стороны тех, кто оказался в составе других госу-

дарств, не стремясь при этом вернуться в рамки прежних государственных образований. В обществе, считает Бибо, "смогло бы сложиться такое настроение, которое позволило бы осознать неизбежность частичной потери исторических территорий, и рано или поздно эти страны смирились бы со своими новыми границами, подкрепленными реальным, объективным положением" [9, с.238].

Трезво оценивая современную ситуацию, Бибо, однако, воздерживался от слишком оптимистических прогнозов. В самом деле, в Чехословакии, еще недавно бывшей гордостью европейской демократии, как политическая элита, так и массы настолько разочаровались в демократических принципах как силе межнационального сплочения, что, оказавшись перед выбором между приверженностью идеям демократии и своими территориальными притязаниями, власти без колебаний выбрали второе, напрочь отбросив даже видимость демократических методов. Тяжелые душевные потрясения, вызванные последствиями войны, повергли чехов, как и поляков, в такое психологическое состояние, что "они были способны лишь предъявлять претензии мировому сообществу, забывая при этом о своих обязанностях и ответственности" [9, с.239] по отношению к собственным национальным меньшинствам. Последнее касалось не только словацких венгров, но в первую очередь немцев в Чехии и Польше. Поднимая в 1946 году вопрос о несправедливостях в отношении мирного немецкого населения, Бибо не побоялся в данном случае пойти вразрез доминировавшей в европейском общественном сознании тенденции, в соответствии с которой массовое выселение немцев из стран Восточной Европы рассматривалось как не только законная, но и адекватная в моральном отношении мера, поскольку нация, виновная в развязывании войны, должна понести коллективную ответственность, пройти через серьезное искупление. Бибо признавал, что после второй мировой войны Европа не может не чувствовать себя в долгу перед Польшей и Чехословакией, а потому ей неизбежно пришлось бы пойти навстречу некоторым их претензиям в национально-территориальном вопросе. Однако столь крупномасштабное (измеряемое не в тысячах, а в миллионах людей) насильственное переселение народов не только не приведет, по его мнению, к полной душевной умиротворенности наций, решившихся на столь беспрецедентный шаг, но вызовет тяжелый "кризис совести", последствия которого еще долго будут сказываться на взаимоотношениях европейских стран.

Построения Бибо не просто отражали сиюминутную реакцию венгерского политического сознания на острый венгерско-чехословацкий национально-территориальный конфликт. Они строились на иллюзиях длитель-

⁸ Анализ в его работе особенностей исторического развития Венгрии в XIX – XX вв. остался за рамками настоящей статьи.

ного мирного сосуществования в рамках сложившейся антифашистской коалиции, создающего предпосылки для продвижения (пускай и небезболезненного) стран Центральной и Восточной Европы по пути демократии. Холодная война внесла, однако, в скором времени свои коррективы в ход событий. На ближайшие сорок лет демократическая перспектива оказалась совершенно несбыточной для стран, в соответствии с договоренностью великих держав отнесенных к сфере влияния СССР. С другой стороны, Советский Союз был совсем не заинтересован в сохранении, а тем более усилении центробежных тенденций в лагере, в раздувании национально-

территориальных противоречий. Венгерско-чехословацкие разногласия к концу 1940-х годов урегулируются на компромиссной основе под бдительным оком "старшего брата", проблема переселения не отягощала и отношения между Польшей и ГДР. Логика истории посрамила как чересчур пессимистические прогнозы крупного венгерского политолога, писавшего в 1946 году, что еще весьма далеко то время, когда средневропейские нации "обретут свои, уже привычные для них и никем не оспариваемые рамки" [9, с.240]. Проблема заключалась лишь в цене, которую предстояло уплатить народам региона за достигнутое видимое спокойствие в общем доме.

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
2. Венгерский меридиан. Будапешт.
3. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. – М.: РОССПЭН, 1998. – 863 с.
4. Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953. Документы. Отв. редактор Т.В. Волокитина. В 2 тт. – Т.1. 1944-1948. – М.: РОССПЭН, 1999. – 687 с.
5. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940 – 1946. Документы. Отв. редактор Т.М. Исламов. – М.: РОССПЭН, 2000. – 455 с.
6. Бибо Иштван. «О смысле европейского развития» и другие работы. – М.: Три квадрата, 2004. – 480 с. (Послесловие А.С. Стыкалина).
7. Бибо Иштван. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. – М.: Три квадрата, 2005. – 256 с. (Комментарии А.С. Стыкалина).
8. Бибо Иштван. Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост. – Будапешт, 1992. – № 1-2.
9. Венгры и Европа. Сборник эссе. Пер. с венг. Составители В. Серeda и Й. Горетить. Предисловие и комментарии В. Середы. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 560 с.
10. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949 – 1953. Очерки истории. – М.: РОССПЭН, 2002. – 686 с.
11. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. Отв. редакторы В.К. Волков и Л.Я. Гибианский. – М.: Индрик, 1999. – 528 с.
12. Млынарж З. Восточная Европа на историческом переломе // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992.
13. Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944 – 1948. Отв. редактор В.В. Марьяна. – М.: Наука, 2004. – 550 с.
14. Национальный вопрос и национальные меньшинства в Восточной Европе. 1944 – 1948 годы (Материалы Круглого стола) // Славяноведение. – 2001. – № 5. – С.90-105.
15. Стыкалин А.С. К вопросу о славянском самосознании интеллигенции в странах Центральной Европы (вторая половина 1940-х – 1960-е годы). По документам российских архивов // Автопортрет славянина. Библиотека Института славяноведения РАН. – Вып.12. – М.: Индрик, – 1999. – С.241-255.
16. Bibó István. Válogatott tanulmányok. I-III. köt. Vál., utószó: Huszár T., jegyz.: Vida I., Nagy E. – Budapest: Magvető, 1986.

РЕЗЮМЕ

ПРОБЛЕМЫ ЧЕШСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В РАБОТЕ И. БИБО "О БЕДСТВИЯХ И УБОЖЕСТВЕ МАЛЫХ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ"

Стыкалин А.С. (Москва)

Известный венгерский политический мыслитель Иштван Бибо (1911 – 1979) в своих работах второй половины 1940-х годов пытался осмыслить исторические истоки острейших национально-территориальных споров, которые проявились в годы второй мировой войны на территориях, унаследованных от монархии Габсбургов. Одновременно он размышлял и над конкретными способами их разрешения. Бибо пришел к выводу о закономерности ликвидации исторических границ в регионе, унаследованных от средневековья (включая границы Королевства Венгрии). Отдавая предпочтение этническому принципу перед историческим при определении послевоенных границ, он в то же время подверг сомне-

нию целесообразность осуществления искусственных проектов по созданию этнически чистых государств в регионе, что предполагало массовое переселение народов.

Ключевые слова: Иштван Бибо, Венгрия, Чехословакия, Польша, Средняя Европа, границы, вторая мировая война, национально-территориальные споры.

SUMMARY

PROBLEMS OF THE CZECH AND POLISH HISTORY OF NEW AND NEWEST TIME IN WORK I. BIBÓ "ABOUT DISASTERS AND POVERTY OF SMALL EAST EUROPEAN STATES"

A. Stykalin (Moscow)

The Hungarian political analyst István Bibó (1911 – 1979) tried to reveal after the World War II the roots of the sharp national and border conflicts which took place in the years of the war in the Central-Eastern Europe, especially on the territories inherited from the Habsburg Monarchy. He also tried to find the ways of the solution of the national problems as well as of the problems of boundary demarcation. Bibó considered to be naturally determined and inevitable the elimination of the medieval historical borders (including the borders of the Hungarian Kingdom). According to the Hungarian thinker, the ethnical (but not historical) principle must have priority in the process of the establishment of new boundaries. At the same time he criticized some artificial projects aimed at the creation of the ethnically pure states which was impossible without mass deportation of the population.

Key words: István Bibó, Hungary, Czechoslovakia, Poland, Eastern-Central Europe, boundaries, national and territorial conflicts.